Светлана Ермолаева

Страна терпимости

(СССР, 1980-1986 годы)

Светлана Ермолаева

СТРАНА ТЕРПИМОСТИ
(СССР, 1980–1986 годы)

«Литео»

2017

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 рус)

Ермолаева С.

СТРАНА ТЕРПИМОСТИ (СССР, 1980–1986 годы) /
С. Ермолаева — «Литео», 2017

ISBN 978-6-01-064382-6

Жизнь советской молодой женщины Ксении Кабировой продолжается. Претерпев множество операций после падения с четвертого этажа своей квартиры героиня романа возвращается в Совет Министров Казахской ССР. Из приемной ее попросили, она опорочила звание сотрудницы ап-парата своим из ряда вон поступком. Она все-таки сделала операцию, но почти сразу была вынуждена уволиться. Кончилась Райская жизнь, началась Адская, какой жили тысячи людей, не имея преимуществ в виде буфетов, пайков, путевок, квартир и других благ Райской жизни. Устроилась машинисткой в редакцию «Простора». Творческие личности: поэты и поэтессы, прозаики и критики вели богемный образ жизни: пьянство и неразборчивые связи. Причем, в открытую, не прячась. И здесь Ксения Кабирова со своими трагическими стихами пришлась не ко двору, была Иная, не такая, как все. Она не участвовала в свальном грехе, она наблюдала. И мысленно писала и написала честно и правдиво обо всем в романе «Страна терпимости». Книга издается в авторской редакции.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 рус)

ISBN 978-6-01-064382-6

© Ермолаева С., 2017
© Литео, 2017

Содержание

КНИГА вторая 8
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Светлана Ермолаева СТРАНА ТЕРПИМОСТИ (СССР, 1980–1986 годы) Российско-казахстанский социально-автобиографический роман-дилогия о советской власти

Рай для нищих и шутов,
Мне ж, как птице, в клетке!

Владимир Высоцкий

Готовность взойти на костер

Читателей ожидает «нечаянная радость» – романдилогия о советском времени Светланы Ермолаевой «Страна терпимости», когда она будет издана. Добрый отзыв о рукописи дал известный критик, литературовед, писатель Лев Аннинский в своей рецензии на роман «адская жизнь под райскими знаменами». Критик заключает свои наблюдения знаменательным вердиктом: «Жгучее предчувствие боли, дающей силы в мире, который окован ознобом, – делает исповедь Светланы Ермолаевой уникальной в поколении ее ровесников «послевоенных лет рождения».

Да, это исповедь, стоящая в ряду «Истории моих бедствий» Пьера Абеляра, а также так-таки Руссо и Льва Толстого, в ря-ду эпатажных по откровенности «Это я – Эдичка» и «Москва–Петушки». Но исповедь уникальная. В ней горит женская душа, совершившая «хождение по мукам». Эта исповедь близка к старинному шедевру «Хождение Богородицы по мукам». Но ареал странствий другой, он описан Джорджем Оруэллом в памфлете «1984». Следуя Эдичке, Веничке и Джорджу С. Ермолаева экспонирует длинную череду-галерею своих современников и современниц. Если средневековые сборники с представителями фауны назывались «бестиариями», то галерею автора романа можно назвать «стервиарий» – так наглы и ничтожны собранные в повествовании особи, притворяющиеся человеками.

Героиня Ксения адской (вернее было бы блядской) жизнью доведена до попытки суицида, но остается в живых. Ее спасает неукротимая страсть к поэзии – настоящей, не салонно-богемной, не площадной, А выстраданной великими певцами от Пушкина до Высоцкого. Последний стал единственно родственной душой Ксении, несмотря на раннюю кончину. Следую путем великого современника героиня поднимается к вершинам Поэзии, она достигает своего звездного часа, присоединяясь к тем современницам, которым удалось остаться женщинами и стать поэтами в мерзких условиях адской жизни.

Поэт Серебряного века когда-то оставил завет своим молодым последователям: «И помни: Твоя добродетель – готовность взойти на костер!» Автор исповеди приняла этот завет. Она готова в любой момент взойти на костер за свой личный Смысл жизни, который заключается для нее в творчестве.

Берик Жылкибаев, профессор, доктор филологических наук

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Алма-Ата – столица Казахской ССР

Ксения переступила порог здания на площади у Детского мира и обмерла: вот это да! Куда я попала, где мои вещи? Во-первых, при входе милиционер, ему был предъявлен пропуск. А дальше!.. Дальше, как в музее: люстры, мрамор, кремлевские дорожки… Это она потом узнала, насчет дорожек. А на ней: пальтишко серенькое, из моды вышедшее, сапожки из кожзама ширпотребовские, платочек уголком. Этакое представительное из народа да в хоромы правительственные. И хватило же наглости!..

КНИГА вторая
АДСКАЯ ЖИЗНЬ

Часть Первая

Смотрю с балкона на клочок земли,
Где я подбитой птицею лежала.
Потом меня так медленно несли,
А в тихом доме девочка рыдала.

(здесь и далее стихи автора)

1

1980 год. Она, упав, не умерла тут же, на клочке земли под балконом собственной квартиры на четвертом этаже, несмотря на то, что вначале приехала «мигалка» из РОВД, а потом уже «скорая». Как она впоследствии узнала, то практически ее спас от смерти начальник Рената по работе Володя Тимохин. Он не растерялся, а буквально слетел по лестнице с четвертого этажа вниз к лежащей без сознания виновнице торжества и стал оказывать первую помощь. У Ксении от удара о землю запал язык в горло, и она была почти мертва от недостатка воздуха. Он пальцами, разорвав уголок рта, вытащил язык, сделал искусственное дыхание изо рта в рот, и она задышала. Потом помогал укладывать ее на носилки «скорой».Медбратья не очень-то церемонились, посчитали очередной алкашкой.

Ренат от испуга, удивления и растерянности вместе взятых разом протрезвел и, слава Богу, догадался почти сразу позвонить сослуживице Салте, с которой Ксения вместе обедала и изредка общалась. Нельзя сказать, что Ксения Кабирова была птицей высокого полета. Но Дом правительства – это вам не стройконтора. Время было еще не позднее, и Салта не постеснялась потревожить нужных людей, и сверху, с домашних телефонов высокопоставленных чинов, была суббота, пока Ксения лежала в одном легком платье на стылой земле, а потом ее, мягко говоря, не очень бережно подняли за руки-ноги дюжие санитары, им помогал Володя, вежливо приговаривая: «Осторожно, осторожно, она же вся разбитая…» и, опустив на носилки, сунули в кузов «скорой», посыпались телефонные звонки вниз – в больницу.

Никто в «скорой» ее не сопровождал, все остались в квартире для опроса. Еще не вполне протрезвевшие и слегка в шоке говорили, не думая и ничего не скрывая, – то, что видели и слышали. Двоюродная сестра Рената показала, что она шла в туалет и услышала ссору между братом и его женой.

– Что, вторую курицу заначила все-таки? Ведь я тебе ясно сказал, чтобы обе сварила, – грубо шипел Ренат.

– Им хоть десять, все съедят, не подавятся. А мы что будем есть целую неделю? Палец сосать? Ни копейки денег, – оправдывалась Ксения.

– У-у-у, шалава! – ненавидяще бросил Ренат. Ксения ударила его по лицу и заплакала.

– И это твоя благодарность и поздравление. Спасибо, – и она стремительно вышла из кухни, нечаянно толкнув подслушивавшую Раису.

Кто-то показал, что слышал, как Ренат приревновал жену к своему племяннику, которому она достала стекла для очков «хамелеон». Его слова были: «Что ты к нему липнешь? Молодого захотелось, что ли?» Ксения промолчала, встала из-за стола и вышла из зала.

Среди гостей были не только родственники Рената, но и случайные люди, которых с грехом пополам можно было отнести к друзьям их недружной семьи. Появлялись иногда в их жизни такие – то из его прошлого, то из ее. В этот раз был симпатичный скромный молодой мужчина Володя с женой, с ним Ренат вместе работал и по-дружески общался ежедневно. Ксения считала его хорошим человеком, на дне рождения и близко подойти боялась – из-за приступов ревности со стороны мужа.Была также ее давняя подруга еще по институту Кира, с которой они встречались, в основном, по дням рождения, изредка – по праздникам.

Кира – вначале одинокая, потом вышедшая замуж говаривала, приходя к ним в гости: «У вас хоть дефициты поесть можно». Впрочем, ела она как раз мало, а пила и того меньше, к чему Ренат относился неодобрительно. Ему нравилось, чтобы его гости напивались вдрызг, до посинения, до поросячьего визга, как и он сам.

Эти-то двое, хорошо относясь к Ксении, как раз и говорили то, что родственникам хотелось скрыть. Именно Кира, находясь в коридоре, случайно услышала грубый голос хозяина: – А это тебе за курицу! – удар и женский вскрик. – А это тебе, чтоб к мужикам не лезла! – еще удар и вскрик. Из спальни выскочила Ксения с красными щеками и кинулась к входной двери, за ней Ренат, он схватил ее за волосы и потянул обратно в спальню, швырнул туда и закрыл дверь. Тут он увидел остолбеневшую посреди коридора Киру, выдавил из себя кривую ухмылку и сказал: – Ну, что уставилась? Поссорились мы слегка, сейчас помиримся. Иди, иди за стол! – и он подтолкнул женщину в зал.

Следователь пришел к выводу, что криминала нет, сажать некого, а посему, опросив гостей, составив протоколы, забрал с собой лишь мужа пострадавшей – для более пространного опроса в отделении милиции. Не могла же обычная семейная ссора, пусть и вызвавшая сильную обиду у хозяйки, толкнуть ее на подобный поступок: связать простыни и спускаться по ним с собственного балкона. Если бы вторая простыня не развязалась, она благополучно достигла бы земли. Муж скорее всего не причём, к такому выводу пришел оперативник. Главный факт его непричастности к сумасбродству жены: запертая на защелку изнутри дверь спальни, выбивать которую пришлось лично ему.

В спальне никаких следов борьбы, говорящих о принуждении, на низкой тумбочке аккуратная стопка чистого белья, откуда были взяты две простыни, балконная дверь приоткрыта, возле перил стоят рядышком домашние туфли на сплошной подошве. Правда, на прикроватной тумбочке обнаружилось золотое обручальное кольцо. И больше ничего, ничего, что говорило бы о развернувшейся драме. Неизвестно, что же все-таки могло побудить хозяйку покинуть гостей, пытаться уйти из квартиры таким вот странным способом. Может, муж прольет свет на это темное дело.

2

Ксению тем временем доставили в одну из горбольниц, в отделение реанимации. По звонкам уже были подняты светила медицины, ибо одним из первых узнал о несчастье Владимир Николаевич, он позвонил министру здравоохранения. Возможно, он испугался за себя, получив записку о расставании: не призналась ли Ксения мужу в измене и не назвала ли его имя. Стихи пишет, поэтесса, от нее все можно ожидать. Слух пролетел мгновенно, (хотя была суббота, нерабочий день), что она бросилась с балкона, то есть, была попытка самоубийства, которая, возможно, превратится в действительно осуществленное намерение, если молодая женщина умрет. Как бы то ни было, он сделал все, чтобы спасти Ксению.

На консилиуме присутствовали профессор Азарова, светило нейрохирургии, профессор Пальгов, ученик широко известного в СССР хирурга-травматолога Елизарова и другие, не столь именитые и знаменитые. Пострадавшую срочно оперировали, в первую очередь, устранив внутренние повреждения: разрыв мочевого пузыря и брыжейки, тонкой и короткой, но весьма необходимой кишки, соединяющей желудок с кишечником. Остальные повреждения были не смертельными и вполне могли подождать, тем более, что прооперированная так и не приходила – с момента удара о землю – в сознание.

Надежда врачей была на здоровое сердце той, которая в настоящий момент представлялась им полутрупом. Сколько случаев, когда человек, просто споткнувшись и упав, тут же умирал! Врачи пришли к единодушному выводу, что, будь пострадавшая трезвой, она уже была бы мертва. Принятая доза алкоголя расслабила мышцы, и таким образом удар о землю был смягчен и не так силен. Не первый случай в их многолетней практике. Светила разъехались по домам, дежурная в реанимации врач вдвоем с медсестрой поместили кровать-каталку с больной в отдельную палату, подсоединив необходимые реанимационные аппараты туда, куда было необходимо. Кушетка медсестры располагалась тут же, хотя ей и не положено было спать до утра, до пересмены. Но врач сказала, что новенькая навряд ли придет в себя в ближайшие двое суток. Наркоза на случай болевого шока не пожалели. Успокоенная медсестра прилегла на кушетку и проспала до утра.

Телефонных звонков и посещений было множество. Медики даже прозвали больную «важная птица». Еще заходили посмотреть на красивую женщину, что сослужило ей позже нехорошую службу. Ренат на своем грузовике заезжал по несколько раз на дню, его автобаза была рядом с больницей, узнавал, не пришла ли в сознание. Отцу не сообщили, он год назад перенес инфаркт. Мать знала, но крепилась, не веря, что единственная дочь вот так просто ни за что ни про что ни с того ни с сего может умереть в молодом возрасте. Ренат, как это часто случается в жизни, когда осознаешь вдруг, что можешь потерять, пусть и не так уж горячо любимого, но незаметно ставшего близким и даже родным человека, горевал искренне и все рвался в реанимацию посмотреть на Ксению.

Но к ней никого не пускали. Во-первых, не положено; во-вторых, без сознания; в-третьих, как всегда, зимой в городе свирепствовал грипп. А больная и так на ладан дышала. Родных врачи пока не пугали, повторяя изо дня в день: – Будем надеяться на молодость и здоровое сердце, – хотя сами почти не верили, что больная выживет. А выживет, травмы таковы, что, скорее всего, останется инвалидом. Посторонним они сообщали более жестко и более определенно: «Почти безнадежна». До Нового года оставалась десять дней, а до настоящего дня рождения Ксении – двое суток. Они с мужем решили отметить раньше на три дня, когда у всех – выходной. И отметили.

Наконец после трехдневного беспамятства и обреченности на смерть Ксения впервые пришла в себя и открыла глаза и, не успев еще ничего осознать, увидела, как в тумане, или сквозь пелену, застилавшую зрение, прямо перед лицом что-то белое и пушистое: оно покачивалось, будто колеблемое ветром. Чуть в стороне плавало чье-то лицо: оно улыбалось, и губы шевелились. Потом в уши, будто забитые ватой, еле-еле пробился звук: голос. Женщина в белом сказала:

– Это мама тебе цветы принесла на день рождения.

Ксения с трудом разлепила губы.

– А что сегодня?

– Двадцать третье декабря.

Предметы становились четче. Она попыталась повернуть голову, но почему-то не получилось, тогда она скосила глаза вправо, наблюдая, как женщина ставит хризантемы,(она узнала их), в бутылку из-под молока, наполненную водой, на тумбочку возле кровати. В ее памяти невесть откуда всплыли строки:

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу…

(А.Блок)

С тем она вернулась в забытье.

Второй раз пришла в себя, как ей показалось: едва брезжил рассвет. Голова подчинилась, и она смогла повернуть ее вправо, откуда шел свет, и увидела большой черный крест. Кладбище, что ли? При некотором мысленном усилии догадалась, что это оконная рама в сероватой стене. За рамой будто куст рос, тоже черный. Быстро стало светать, и она продолжила осмотр, до сих пор не сознавая и пока не пытаясь, где она, почему и что с ней.

В довольно просторной, чисто побеленной комнате она находилась одна на кровати посреди почти пустого пространства. Справа возле изголовья стояла тумбочка с цветами, слева – в ногах – какой-то прибор типа узкого железного ящика, тонкая резиновая трубочка от которого торчала в ее левой ноздре. Потом она узнала, что из ящика поступал кислород. Чуть дальше гудел холодильник. Резко ворочать головой она не осмелилась, отчасти из-за трубочки, отчасти из-за тяжести этой части тела. В изголовье стоял штатив с закрепленной вверху бутылочкой с красной жидкостью. От бутылочки тянулась тонкая прозрачная трубочка, в конце которой торчала толстая игла. Ксения нащупала ее возле правой ключицы. Иглу не убирали, на ночь лепили пластырь. Левая рука была в порядке, а вот на приподнятой слегка правой она обнаружила, что кисть зажата двумя дощечками и крепко перебинтована, а указательный и средний пальцы перебинтованы по отдельности. Слегка приподняв голову с жесткой почти плоской подушки, она оглядела всю себя, накрытую простынею. Вроде все было на месте, находилось, где положено, кроме ног, колени которых были сильно разведены в стороны, будто лягушачьи лапы. Она осторожно опустила голову на подушку, придерживая рукой трубочку в носу.

В этот момент открылась дверь, и вошла женщина со шприцем в руке. Она молча откинула простыню и сделала укол в правое бедро. Ксения успела увидеть себя совершенно голой, и что из живота спускается вниз еще одна резиновая трубочка. Женщина ушла. Странно ощущала себя Ксения в эти первые краткие возвращения из небытия. Она видела, слышала, но не чувствовала ни малейшей боли, не было почти ни одной мысли в голове, кроме простой фиксации знакомых предметов где-то в подсознании. Таково было действие сильного наркотика промедола, который кололи ей каждые четыре часа во избежание болевого шока. На обоих плечах точки уколов уже покрылись корочками. Кроме разрыва мочевого пузыря, перелома двух пальцев на руке, у нее был разрыв легкого, перелом седалищной кости и шейки бедра, а также большая потеря крови.

Ничего этого не знала, не ведала Ксения после укола поплывшая в беспамятство – с легким невесомым телом, приятным кайфом в голове, как от шампанского, и мелодичным звуком колокольчиков в ушах…

3

…Прошло трое суток с приходом в сознание, уходом из него, пока она, наконец, ощутила сильный голод. Медсестра как раз открыла холодильник, и на дверной полочке Ксения увидела яйца.

– Пожалуйста, дайте мне яйцо, – жалобно попросила она.

Женщина, не закрывая дверцу, повернулась в ее сторону и удивленно проговорила:

– Они же сырые…

– Ну и что? Я хочу сырое.

С каким удовольствием, если не сказать наслаждением, пила она мелкими глотками разболтанное в стакане яйцо, ощущая его своеобразный вкус! Несколько дней она сама ничего не ела. Как ее кормили, не знала. Узнав от медсестры о ее первом самостоятельном завтраке, в палату быстро вошла зав.реанимацией, ее звали Зинаида Павловна. Ксения поступила в ее дежурство. И она, едва ли не единственная из всего медперсонала отделения, не теряла веры, что больная будет жить и вселяла эту веру в мать и мужа. Именно она боролась за ее жизнь, дежурила возле нее часами, надеясь на чудо. И оно произошло. Именно в ее дежурство Ксения пришла в себя впервые, что окончательно укрепило веру врача в благополучный исход. Это была ее победа.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – обыденно спросила Зинаида Павловна.

– Хорошо, – также обыденно ответила Ксения.

– Может, и не совсем, но я рада, что ты попросила есть. Это первый признак выздоровления. Только есть будем понемногу. И от разговоров пока воздержимся.

– А что у меня с рукой?

– Сейчас посмотрим, – врач осторожно разбинтовала руку, убрала дощечки.

Два пальца остались забинтованы.

– Их пока трогать не будем, не к спеху. Ну-ка, пошевелим кистью…

Ксения двигала кистью, шевелила всеми пальцами и вдруг ощутила непреодолимое желание писать.

– Не могли бы вы мне дать карандаш и бумагу?

Врач глянула на нее не без некоторого испуга: все ли в порядке у больной с головой, совсем недавно, можно сказать, вернувшейся с того света.

Ксения смотрела на нее просяще и… печально.

– Хорошо, я принесу, но сначала – укол.

Больная не ответила, странное, дотоле неведомое возбуждение охватило все ее существо, Она, едва сдерживая его, наблюдала, как врач поменяла пустую бутылочку в капельнице на полную, чья-то кровь снова потекла по ее венам, восстанавливая силы и возвращая жизнь. Наконец, врач вышла и вернулась с ученической тетрадкой и карандашом, положила Ксении на грудь.

– Тебе нельзя утомляться, – сказала она, осмотрела систему и удалилась.

Укол был, вероятно, с более слабым наркотиком и дейст-вовал не так молниеносно как промедол, и Ксения, от возбуждения медленно плывущая в зыбкую легкость и невесомость, не без усилия пристроила в правой руке карандаш, левой прижала к груди тетрадку и начала выводить слабые каракули на первом листке в клеточку. Стихотворение уже созрело в ней, оно жило и стремилось, образуясь в слова и строки, запечатлеться на бумаге. Она записывала его с легкостью, не вдумываясь в содержание, в смысл, в то, почему она, женщина, вдруг пишет от мужского лица.

* * *

Мысли – *черные листья,*
Кружат, лишают сна.
Их листопад неистов–
Тянется из окна.
Что же случилось, что же?
Был я и наг, и бос…
Новой покрылся кожей,
Встал в исполинский рост.

Нет ли какого порока? –
Я вопрошаю, светл.
Я похожу на Бога,
Также люблю белый свет.
Благостный и неправый,
Всяк его уничтожит.
Словно ребенок малый,
Он мне всего дороже.

Последняя строка расплылась в глазах, и она уснула с мыслью: «Почему Бог?»

Странный образ, будто вырвавшийся из глубин подсознания. О Боге, вроде, она никогда серьезно не размышляла, хотя и читала «Жизнь Иисуса Христа» Ренана. Правда, подумала мельком, когда освоилась с мыслью, что она жива и, наверное, теперь уже не умрет, что, видно, Бог ее спас ради ребенка, а может, еще ради чего-то, что она не успела сделатьв своей жизни. И все.

В реанимации

Смутно помню чьи-то лица
В ореоле желтых ламп,
Шепот свой: – Воды, сестрица!..
Боль с восторгом пополам.
Правду с ложью пополам.
Как плела я небылицы!
Ну, а быль скрывала там,
Где умолкли мои птицы.
Где умолкли строки-птицы,
Напророча мне беду.
Смутно помню чьи-то лица
В полусне-полубреду.

Остальные стихи в тетрадке были то безысходные, когда она вспоминала прошлое, то оптимистические, когда боролась со смертью и побеждала.

* * *

Ну, судьба, проси пощады!
Ведь тебе меня вовек
Не сломать. А ты бы рада.
Но я сильный человек!
И на все твои удары,
И на все твои попытки
Мне плевать, хоть я страдала,
И сжигала боль улыбки.
Не поддамся – не надейся.
Выдержу и все приму.
А пока…

Ну, что ж, посмейся…
Все равно я верх возьму.
Мне теперь сам черт
Не страшен,
Я прошла все муки ада –
От бездонных ям до башен,
Черных башен злого взгляда.

Это было, похоже, ее теперешнее настоящее: борьба и терпение. Опять терпение. Будущее не сулило ей радости, и она старалась о нем не думать. То обстоятельство, что она будет жить, и, как уверяла ее Зинаида Павловна, даже есть реальная возможность не остаться инвалидом, не могло быть поводом для радости.

Тем более, что ей предстояло еще одно тяжкое испытание, правда, через месяц, не раньше – операция на бедре, так называемое штифтование, то есть, соединение костей с помощью штифта или пластины из нержавеющей стали. Могла ли она радоваться, если положительная возможность могла повлечь за собой отрицательную: она снова отправилась бы туда, откуда выкарабкалась с помощью врачей.

4

Как выяснилось впоследствии, после того, как с Ксенией побеседовала в течение часа известная врачпсихиатр Попова, пытаясь извлечь мотивы поступка пострадавшей, она пришла к выводу, что, с медицинской точки зрения, у Ксении была глубокая душевная депрессия, перешедшая в черную меланхолию, и она находилась на грани психического расстройства. Обида на мужа мгновенно переросла в нечто большее, глобальное, когда мутится разум, и человек не владеет собой: состояние, близкое к аффекту. Человек не контролирует свои действия, хотя со стороны кажется, что он действует вполне сознательно. На самом деле все его действия совершаются на уровне бессознатель-ных рефлексов.

Вот почему в течение долгих месяцев после больницы Ксения настойчиво восстанавливала в памяти шаг за шагом, приведшие ее к трагедии душевной, едва не окончившейся уходом из жизни. И не только умом, но и творчеством – стихами, а затем и прозой она старалась постичь собственную душу, окружающих ее людей, свои взаимоотношения с ними и со всем окружающим миром. А пока – она нуждалась в полном покое и длительном сне, и никаких разговоров о прошлом. Вот почему ее пичкали сначала наркотиками, а потом психотропными препаратами, прописанными врачомпсихиатром.

За две недели нахождения в реанимации лишь однажды она испытала невыносимую боль во время пункции: откачки негодной крови, скопившейся в грудной полости от разрыва правого легкого. В один из дней в палате появилась невысокая, довольно подвижная и энергичная для своего пожилого возраста, ей было где-то за шестьдесят, женщина, светило нейрохирургии в Казахстане, а может, и во всем СССР профессор Азарова Евгения Андреевна. Ее сопровождали два молодых мужчины-ассистента.

– Ну-ка, мальчики, – весело обратилась она к ним, – при-поднимите эту красивую женщину!

Экзекуция началась в неблагоприятный момент: кончалось действие наркотика. «Мальчики» сначала посадили Ксению с помощью подъемной спинки кровати, потом начали клонить ее лицом вниз, то есть, загибать в салазки. В глазах потемнело от боли, теряя сознание, она едва успела выдохнуть:

– Подождите!

Когда очнулась, первым бросился в глаза огромный шприц, размером с тот, которым делали укол Моргунову в фильме «Кавказская пленница». Его, улыбаясь, держала в обеих руках Азарова. Теперь ассистенты бережно, почти нежно нагнули ее за плечи. Светило тут же оказалось за спиной, и под лопатку с хрустом вошла игла. Ксении показалось: вбили гвоздь. Боль была невыносимая, закололо сердце, но она, закусив до крови губу, сдерживала вопль. Она вспомнила, как совсем недавно сказала по телефону своей приятельнице Кире в ответ на рассуждения той, что «все у тебя, Ксеня, есть: и квартира шикарная, и мебель, и муж любящий и хозяйственный, и ребенок у родителей, это ли не счастье?» «Для полного счастья мне не хватает несчастья». Накаркала, вот и терпи. Физические страдания тоже несчастье. Вот и настрадайся вдоволь, чтобы не болтала что ни попадя в другой раз.

Боль разламывала тело, из грудной клетки будто весь воздух выпустили и вдохнуть его не было ни сил, ни возможности. В мозгу ее возникло видение – образ из недавно прочитанной книги Леонида Андреева «Иуда Искариот»: распятый Иисус. Губы его шевелились, и она скорее догадалась, нежели услышала: «Тебе больно, мне было больно…»

– Больно? Конечно, больно. Но потерпи, милая, потерпи. Бог терпел и нам велел, – ласково приговаривала профессорша.

А Ксению будто током пронзило совпадение видения с действительностью. Она застонала. Гвоздь из спины выдернули. Мальчики, наконец, отпустили плечи. В ее глазах плавали оранжевые круги. Она осторожно втянула в сплющенную грудную клетку воздух, едва сдерживая слезы, с натугой улыбнулась и спросила:

– А помните фильм «Каскадеры»? Я вам не напоминаю случайно одного из героев, когда он лежал в больнице?

Доктор тут же подхватила.

– Помним, а как же. Вот где мужественные люди… Ты у нас тоже не хуже, прямо героиня. Сейчас еще разочек… – она снова зашла со спины со шприцем в руках…

Жажда жизни то появлялась – она начинала много говорить со всеми подряд, и с нянечкой, и с медсестрами, и с врачами, заказывать домой матери что-нибудь из своих любимых блюд, – то исчезала, и она становилась ко всему безучастной.

Время в такие дни текло медленно, почти осязаемо, как в песочных часах. Она то смотрела в потолок, то за окно – на черное дерево. Мыслей не было, желаний тоже. И ради этого она выжила? Зачем? Чтобы ощущать себя живым трупом?

* * *

Черное дерево на белом снегу,
Ветками машет и кличет меня.
Вот я вскочу и к нему подбегу!
Но не пускает меня простыня.
Белая душит меня простыня,
белая падает в ноги стена.
Что же ты, дерево, кличешь меня
Шелестом ласковым из-за окна?
Слезы-сосульки на дереве черном.
Оттепель, что ли, пришла в декабре?
Или рыдало по мне, по никчемной,
Дерево страшную ночь во дворе?

Наступал новый день, и она снова радовалась тому, что могла видеть белесое от мороза небо, дерево, которое оживало, потому что по нему с ветки на ветку прыгал воробьишко, топорща перышки. С удовольствием она смотрела в лица входящих к ней людей и находила их приятными и добрыми. Открывала тетрадку и писала, писала – неровными строчками…

* * *

Это было,
Как мучимой жаждой – глоток воды,
Как голодной – хлеба кусок.
Было счастье в объятьях беды –
Влажно смерть холодила висок.
Но какая-то высшая цель
Есть во всем, что назначено нам.
Может быть, соловьиная трель
Мое горло порвет пополам?
Ну и пусть!
Назначенье мое –
Выпеть песни свои до конца.
Во всю мочь прославлять бытие,
Когда краска уходит с лица.

Ближе к Новому году у нее появились краткие часы бодрствования. Она не без опаски стала мысленно возвращаться в прошлое, в совсем близкое, когда она была при смерти, и более отдаленное, до больницы.

А больничное заточение шло своим чередом. Отца по-прежнему берегли, не сообщая всей правды. Мать, уже успокоившись, что дочь жива, сказала, что она лежит по женским делам. Тем более, что к Ренату приехала из поселка под Ташкентом мать, чтобы помогать по хозяйству сыну. Ренат по-прежнему приезжал ежедневно справляться о ее состоянии и передать бутылку кефира или молока. Другой пищи ей пока было нельзя, ее продолжали держать на диете, поскольку она была лежачей больной. Она худела. Муж написал ей три письма, очень теплые и душевные. Пусть просто сидит в кресле, но будет дома с сыном и с ним. Он будет все сам делать. Она притворилась ласковой и признательной за его заботу.

Но в душе было пусто и холодно и неизвестно было, будет ли иначе по отношению к мужу. Получила она записки и от Киры, и от Салты. А вообще две недели, проведенные в реанимации, отгородили ее на время от такой грязи, слухов и сплетен вокруг ее имени, что, узнай она хотя часть из них, то могла бы в ее нынешнем неуравновешенном состоянии и всерьез свести счеты с жизнью, осчастливив этим многих злоязыких, с каким-то сладострастным любопытством ожидавших роковой развязки – смерти, а не выздоровления. Какую бурю она, того не ведая, подняла в затхлом стоячем болоте бездельников, охочих до чужой жизни, до чужой беды!

Не ведала она также и о том, что и здесь в больнице у нее появился недоброжелатель – врачиха по имени Татьяна Михайловна, у которой были шашни с зав.отделением урологии – врачом Тохтаровым. Он оперировал Ксению по своей прямой специальности: зашивал мочевой пузырь. Ежедневно он наведывался к своей больной и проверял, как идет заживление шва и отверстия, из которого через трубочку выводилась моча. Его любовница посчитала, что он уделяет этой совминовской бл… слишком много внимания.

Кстати, такое мнение о секретаршах едва ли не всех учреждений и организаций почему-то было однозначным, особенно в среде людей недалеких и необразованных. Вероятно, этому способствовали некоторые популярные писатели и режиссеры. Народ тогда еще верил книгам и фильмам. Врачиха приревновала полуживую больную и мелко, пакостно отомстила ей, подстроив так, что выдали справку при выписке о том, что Кабирова К.А. поступила в реанимацию в состоянии сильного алкогольного опьянения.

По закону ей не полагалась выплата пособия по больничному листу на все время болезни. А Ксения пробыла дома девять месяцев. Закон лучше некуда. Государство отказывало человеку в материальной помощи в несчастье, если он был выпивши: «споткнулся, упал, очнулся: гипс». Кто же застрахован от несчастного случая? Смешно? «Не правда ли смешно?» Но это было потом…

Тридцатого декабря Зинаида Павловна, поддавшись на уговоры, все-таки пропустила Рената в палату. Он встал перед кроватью на колени, плакал и просил прощения. Ксения тоже прослезилась. Он осторожно поцеловал ее в губы и спросил:

– Ксюш, что тебе принести на Новый год? Что ты хочешь?

Неожиданно она попросила:

– Хочу шампанского, Ренатик…

Муж разулыбался обрадовано и пообещал:

– Из-под земли достану! – и на цыпочках вышел из палаты.

Дело в том, что шампанского в магазинах не было. Оно доставалось. В очередной раз правители испытывали людское терпение. Как, впрочем, и задумывалось, в Стране терпимости. Поэтому задание было сложное.

5

На следующий день в отделении царило оживление, все готовились так или иначе встречать Новый год. В палате витали аппетитные запахи: готовилась праздничная еда. Медперсонал скрывал под халатами наряды, а под белоснежными накрахмаленными колпаками прически. Мать еще с утра принесла в реанимацию праздничное угощение для всех. Все стояло в холодильнике. По просьбе больной, все могло быть тут же подогрето. Но у нее не было ни настроения, ни аппетита. Ну, какое настроение у распластанной лягушки? К тому же она постепенно восстанавливала в памяти дни в Доме терпимости, проводимые в смятении, в душевном расстройстве, и это только усугубляло ее состояние гнетущей тоски. Стихи были мрачные.

* * *

Удивлены? Возмущены? Испуганы?
Как сделать я это посмела!
Душа моя вами поругана,
Покорно покинула тело.
От злобы, от сплетен устала,
От громких бесстыдных цитат.
Она погибала, но этого мало –
Толкали ее вы в ад.
Кричали, галдели свирепо,
Ей не давали свободно вздохнуть.
А ненависть тыкалась слепо

В мою беззащитную грудь.
И вот вы добились: петля
Да сломанный стул на полу.
Раскрыла объятья земля
Могилой в заросшем углу.

В первых числах Нового года ей предстояло расстаться с медперсоналом реанимации, которые все без исключения относились к ней с приязнью, ибо она была терпеливой (еще бы!) больной, без претензий и капризов, несмотря на то, что из такого Учреждения, сотрудники которого вызывали опасение у людей обыкновенных, так называемых обывателей, но – не уважение, тем паче почтение. Если эти сотрудники попадали в обычную хрущобу, а не такую, как у них собственную ведомственную, допустим, совминовскую, то вели себя эдакими цацами, вроде, из царских хором оказались в хижине «Дяди Тома», и создавали массу неудобств хозяевам. Даже уборщица из Дома терпимости ощущала себя причастной к миру дворцов.

Поздним вечером от мужа принесли записку: «Прости, родная. Весь город объездил, но не смог купить. Прости! С Новым годом! Целую. Твой Ренат». Она представила, как он с какой-нибудь пятеркой рыскал по городу (из-за постоянного их безденежья), когда цены на дефицитное шампанское взвинтили втрое, а под прилавком и выше, разочарованно вздохнув, решила спать. У нее совсем из головы вылетело, что дома в стенке лежат две бутылки шампанского, которое она заранее купила в буфете на работе. От огорчения она выпила две таблетки снотворного и вскоре уснула, не дождавшись прихода Нового года.

1981 год. Утром открыла глаза и поразилась яркости освещения в палате. Глянула в окно, а там – неподвижно застыло ослепительно-белое кружевное дерево. В ночь под Новый год выпал обильный снег и шел всю ночь. Едва рассвело, ударил мороз, и все вокруг первозданно засияло, заискрилось слепящей глаза белизной. «Господи, красота-то какая!» – невольно восхитилась Ксения и блаженно зажмурилась: от радости бытия. После сладкой полудремы окончательно проснулась.

Возле электроплитки хлопотал медбрат Керим. Разбитная бабенка, медсестра Шурочка крутилась тут же. Наступило первое января – воскресенье, и все отдежурившие новогоднюю ночь чувствовали себя привольно в отсутствие начальства, весело переговаривались, пересмеивались, хотя лица с похмелья выглядели изрядно помятыми. Керим, стукнув дверцей холодильника, достал оттуда большое блюдо пельменей, бросил их в кастрюлю с кипящим бульоном, и вскоре по палате поплыл аппетитный запах лука и мяса. У Ксении слюнки потекли.

– Керимчик, с Новым годом! А я пельменей хочу. И шампанского.

Медбрат сдержанно улыбнулся.

– Пельмени бар. (есть) Кислуху не держим. Спирт будешь?

– Нет. Не пью, – буркнула она и закрыла глаза.

Через несколько минут ноздри защекотал запах пельменей: на тумбочке стояла полная кесюшка. Ксения вздохнула и обреченно попросила.

– Ладно, наливай!

Вспомнив лихую юность, одним махом осушила полстакана слегка разбавленного водой медицинского спирта. Керим с одобрением поцокал языком:

– Якши, кызым! (Молодец, девушка!) Она съела все пельмени и, отяжелев, уснула. Так она все же отметила Новый год в реанимации да еще и написала стихотворение:

* * *

Ничего бы в мире не было,
Если б не было меня.
Но в окне – кусочек неба,
Вкруг – беленая стена.
Но в окне деревья сжалися,
Бродят тени при луне.
И никто не знает жалости
Ни к деревьям, ни ко мне.
Ночью, всеми позабытая,
Я, распластана, лежу,
Белой простыней укрытая,
В мыслях медленно кружу.
Словно ворон над останками
Своей умершей души.
Что же служит мне приманкою:
Правды ложь иль правда лжи?
Ничего бы в мире не было,
Если б не было меня.
Но я есть – кусочек неба
И беленая стена.

6

С первого же января в ее палате начался ужас. Сначала ее спросили, можно ли положить к ней женщину, раненную ножом. Она не возражала. Весь коридор был забит поступившими пациентами. Сплошные несчастные случаи. Вскоре и ее палата была забита битком. Стоны, крики, слезы… Парень, врезавшийся в дерево на мотоцикле. Старик, отравившийся ацетоном. Женщина с перитонитом. И врачи-спасители, ангелыархангелы. В таком бедламе хотелось отключиться, но промедол уже не назначали, только легкие психотропные таблетки. Она превысила обычную дозу и заснула.

Выздоровление шло своим чередом. Седалищная кость срослась, и Ксения наконец-то вытянула ноги, но лежать нужно было по-прежнему на спине. Шов на животе зажил, нитки убрали. Пальцы на руке тоже зажили, хотя еще плохо сгибались, нужно было делать разработку, и она ее делала. Кто-то передал ей через Зинаиду Павловну перед уходом из реанимации оригинальный презент: человечка, сделанного из трубочек системы. На ее вопрос: – От кого? – Завреанимацией ухмыльнулась: – От поклонника. Игрушку она долго хранила, как когда-то корзиночку, подарок от норильского зека. Ее перевели в урологию.

В урологии она пролежала неделю, ни с кем не общаясь, и к ней никто не лез с разговорами. Попрежнему писались стихи:

* * *

Ох, выпорхнуть бы птахой
Из тьмы, как из тюрьмы.
До пят на мне рубаха,
И сны смутны, смутны…
Попасть бы в вечер синий
Из окон из больничных,
Губами трогать иней,
Жить на правах на птичьих.
Невзрачной, малой птахой,
Но жить, дышать всей грудью.
До пят на мне рубаха,
И вдох глубокий труден.

Наконец трубочку из живота убрали, фистула затянулась, и ее выписали из этой больницы, по-прежнему лежачую, положили на носилки и внесли в «скорую», чтобы транспортировать в другую больницу. День был солнечный, стоял сильный мороз, на дороге сверкал гололед. Ксения вцепилась от страха в носилки: а вдруг авария? Умирать она уже не хотела, в ее жизни появился смысл: стихи. Теперь ей не надо было мучиться от того, что не с кем поделиться мыслями, чувствами. Бумага заменит ей и друга, и любимого. Так было всегда и в детстве, и в юности и будет дальше. Ей суждено быть одной. Какое счастье жить на свете! Страх прошел, и она всей грудью вдыхала резкий морозный воздух.

Когда в приемном покое из ее истории болезни узнали, кто она, то есть, где работает, поднялся небольшой переполох. К ней спустился сам зав.отделением и предложил отдельную палату.

– Спасибо, я хочу в общую, – вежливо отказалась Ксения от привилегии сотрудника правительственного учреждения.

Ее поместили в общую, самую светлую и теплую палату, прикатив туда спецкровать, единственную среди десяти коек, застелили ее новым набором белья, положили два матраца, две подушки и принесли второе одеяло. Одним словом, соорудили ложе для принцессы из Совмина. Больные взирали на кровать и на нее в некотором недоумении, если не сказать с враждебностью: мол, что за цаца такая. У всех в палате были обычные железные койки с одним матрацем, одной подушкой и ветхим бельем. Ксения, надышавшись морозного воздуха, крепко уснула, не подозревая, какая атмосфера образовалась после ее появления в общей палате.

Ее разбудила соседка слева, слегка тронув на плечо.

– Обход, – шепнула она.

Ксения проснулась и, пока группа врачей медленно приближалась к ее кровати, наблюдала за шествием во главе с профессором, хирургом-травматологом. Все врачи были мужчины, и все не старше 35–45 лет, крепкого телосложения, с мужественными лицами. Профессор осмотрел ее бедро лично, слегка нахмурился и спросил:

– Как себя чувствуете?

– Неплохо.

– К операции готовы?

– Доктор, а нельзя без операции? Нога не болит.

– Вы сомневаетесь в необходимости оперирования? Сегодня же на снимок! – коротко и властно бросил он заведующему отделением.

Ее свозили на снимок, взяли все анализы. Она лежала молча и одиноко, одна со своими мыслями. Обычно к новеньким сразу кто-нибудь подходит, расспрашивает, кто, откуда, с чем поступил. К ней никто не подходил. Может, вид ее не располагал к общению; может, при-

чина была в особом к ней расположении врачей. Она была погружена в собственные мысли, почему-то надеясь, что операции не будет. Как только у нее зажил шрам на животе, срослась седалищная кость, она, оберегая правую ногу, могла спать на левом боку и на животе, в своей любимой позе, и потому, вероятно, решила, что почти здорова. Сказалась, конечно, и усталость от боли, от разных неудобств, типа судна. Вечером к ней пришли мать с отцом, которому наконец-то осторожно рассказали, что же все-таки случилось с единственной дочерью. Позже появился Ренат. Пока он сидел возле Ксении, женщины в палате оживленно шушукались, наверно, он произвел впечатление своей внешностью.

В следующий обход, когда профессор со свитой подошел к ней, он подал ей снимок.

– Вот взгляните, в каком виде ваши косточки.

Она посмотрела на снимок: шейка бедра и берцовая кость в месте перелома отстояли друг от друга примерно на пять сантиметров. Она вернула снимок.

– Как, по-вашему, они могут срастись без хирургического вмешательства? Или вас устроят костыли – на всю оставшуюся жизнь?

– Нет, костыли меня не устроят.

– Тогда готовьтесь к операции, – и он направился к ее соседке справа, лежавшей у выхода из палаты.

– Доктор, а можно завтра? – спросила она вслед. Он обернулся, поглядел одобрительно и ответил.

– Можно. Мне нравятся решительные люди.

7

Врачи ушли, она закрылась одеялом и горько заплакала, проклиная себя за прошлое и жалея в настоящем. Вечером – снова мать с ужином, есть который она отказалась, как мать ни уговаривала. Ксения попросила мать позвонить Вовке Битникову на работу и сообщить, что она в больнице и просит, чтобы он написал ей на адрес матери. Еще она отдала матери тетрадку со стихами, которая уже закончилась, и попросила сохранить. Пришел и Ренат с передачей поскромнее. Посидел, помолчал. Ксения никому не сказала, что ждет ее завтра. Операция была непростая, могло случиться всякое. Опять она зависла над бездной неизвестности, неизвестного исхода. Зачем расстраивать близких? На ночь выпила снотворное, одолжив у соседки. Засыпала, а в мозгу звучали строки:

* * *

Опять страданья. Сколько можно?
О Бог, будь милостлив ко мне!
Я впредь так буду осторожна –
Даже в мечтах, даже во сне.

Ранним утром ее на каталке отвезли в операционную. Страха не было, была надежда на лучшее. Вокруг переговаривались врачи, их голоса звучали твердо и уверенно. Оперировать ее будет светило травматологии Пальгов Константин Петрович, ученик известного всему Союзу Елизарова. Ей сделали укол в вену, и она вырубилась почти мгновенно. Очнулась вечером в палате. Возле нее сидела мать с мокрыми глазами.

– Доченька, что же ты не сказала, что сегодня операция?

– Мама, все позади. Не стоит об этом говорить, – буднично обронила Ксения.

Нога после операции была зафиксирована дощечкой, и ей придется лежать на спине, неизвестно сколько времени. Боли она пока не чувствовала, еще не прошел общий наркоз.

Потянулись однообразные дни в общей палате. Ксения не без интереса наблюдала жизнь больных людей, некоторые из них были обречены на инвалидность. А вдруг и она? Может, не костыли, но останется хромой. В основном, женщины были простыми, с обычными специальностями: маляр, продавец, официантка, одна студентка, одна пенсионерка. Лишь одну даму можно было отнести к интеллигенции, она работала инженером-проектировщиком. Ее звали Альвина, она лежала слева. У бедной женщины от ношения узкой на высоком каблуке обуви образовались костные наросты, и сами кости настолько деформировались, что она практически не могла надеть обувь вообще. Это было для нее настоящей трагедией. Ей срезали наросты и спиливали кости сначала на одной ноге, потом на другой. Ксения поражалась мужеству этой невысокой хрупкой женщины. Они подружились и подолгу беседовали на разные темы. А здесь и сейчас Альвина учила ее мужеству. Ксению мучила неизвестность: встанет ли она на ноги, на свои родные ноги. Или ей суждено стать калекой? «Лучше умереть, может, зря я выжила? Я не вынесу унижения калеки». Альвина была единственным человеком, спасавшим ее от безнадежных мыслей. Их знакомство продолжалось и после больницы, пока Альвина не умерла от рака.

А здесь в больнице, не зная своего будущего, Ксения впервые рассказала постороннему в общем-то человеку историю своей жизни, причину, побудившую ее совершить безумный поступок. А как иначе его назвать? Даже врач-психиатр заявила, что она была на грани помешательства. Да не на грани! А за гранью, ну, может, шажок оставался. Ну, жива же осталась, в конце концов!

У нее было много времени для того, чтобы не спеша разобраться в прошлом, в себе самой, в своей душе. Она была, не зная о том, цельной натурой, может, как природный алмаз из земли ее предков– бурятов. А что происходит с алмазом, когда его дробят на кусочки, гранят и превращают в бриллианты, в угоду богачам? По живому? Он, наверное, умирает. Так и она. Будучи цельной, стала разваливаться на кусочки, раздваиваться, жить двойной жизнью, что было против ее природы, которую она пыталась насиловать сама лично, хотя всю жизнь не выносила насилия над своей личностью, над душой. Вот натура ее и взбунтовалась. Была такая Катерина из пьесы Островского «Гроза». Могла она покончить с собой, не признаваясь всенародно в своем грехе? Могла, но не захотела. Слишком чиста была душой и тоже цельная натура.

Ксения навещала Альвину в Раковом корпусе напротив Центрального стадиона. Несчастная знала, что умрет, но до последнего часа оставалась верной себе: ни слез, ни жалоб, ни истерик. Ксения носила ей свои стихи, и Альвина, лежа на смертном одре, плакала, читая их, и заверяла, что Ксения очень талантлива, что она настоящий поэт. До больницы они изредка встречались, делились чем-то своим женским. Дочь Альвины влюбилась во врача, старше ее на двадцать лет, и стала с ним жить. Наверное, это ускорило раннюю кончину матери. У Ксении не было близкого человека ни до, ни после двухмесячного заточения в больницах. Вот Альвина и заняла это место, как-то запала в ее душу, и на ее ЮБИЛЕЙ она посвятила ей стих:

Альвине Дроздовой

* * *

Ты в пору зрелости вошла.

Звездой блистательной взошла
На сером тусклом небосклоне.
Нет, нет да свет скупой уронит
Звезда на все, что есть окрест.
Нести тебе до смерти крест
Твоей невысказанной боли,
Твоей несбывшейся любови…

Она тогда лежала уже в своей совминовской больнице, Альвина пришла за ней, и Ксения, будучи на костылях, умудрилась перелезть через забор и отправиться к юбилярше домой, благо она жила недалеко от больницы. Таким же путем она вернулась, правда, в сильном подпитии. Ей удалось без шума опять перелезть через забор и благополучно очутиться в своей постели.

Но это было уже после выписки из травматологии. А пока они общались, читали, к ним приходили посетители. Была два раза Салта, попросила, если что, сказать мужу, что она каждый вечер посещала Ксению.

– Интересно, где я увижу твоего мужа? И с какой стати он меня будет спрашивать, была ли ты у меня? – Ксения поняла, что Салта завела очередного мужичка.

– Ну, мало ли бывает случайностей в жизни.

– Мне-то что, скажу.

8

В палате между тем бурлила жизнь. Молодые женщины частенько выпивали, выходили покурить, на свидания с парнями, громко смеялись, рассказывали скабрезные анекдоты. Одна из них довольно симпатичная молодая женщина на костылях поставила цель: соблазнить молодого и симпатичного хирурга, лечащего врача их палаты. Почти вся палата хором обсуждала эту тему, давая советы и рекомендации. И как-то в его ночное дежурство она переспала с ним и после ходила в героинях. А бедный хирург при встрече с ней прятал глаза. Короче, больные жили полнокровной жизнью, не считая себя обделенными судьбой.

Из записной книжки: Куда ни сунься, везде бардак. Где больше, где меньше, но везде. Некоторые больные употребляют свою болезнь во зло и терзают своих близких, пользуясь тем, что им не ответят, как должно. Особенно озлоблены калеки, безнадежные физические уроды. За свое личное несчастье они готовы мстить всему человечеству. Мне кажется, я не смогла бы дружить с калекой. Отнюдь, не из-за эгоизма. Просто я привыкла воспринимать человека физически здоровым. Может, я жестока, но какая обуза для близких, постоянный источник раздражения. Даже долго болеющие люди становятся невыносимы для окружающих. А люди, постоянно ощущающие свою физическую неполноценность, вообще кошмар. Они недоверчивы к искренней доброте, они прекрасно понимают неприятие здорового человека к больному. В то же время они выставляют свою инвалидность напоказ, может, бессознательно, а может, нарочно.

Ксении было здесь спокойно, и она даже на чей-то день рожденья угостила сопалатниц совминовскими деликатесами и приняла участие в распитии вина. С аппетитом поела, а ночью чуть не загнулась от колик. Она долго терпела, но потом ей пришло в голову, а вдруг это заворот кишок? Ведь она лежит на спине уже второй месяц. Она все же позвала дежурную сестричку, извинилась и попросила помощи. Та дала ей сильное болеутоляющее, и она вскоре заснула.

Больше в подобных мероприятиях она не участвовала, но угощать женщин продолжала. Одна-единственная мысль точила ее: не остаться хромой. Стоило ей представить мыс-

ленно сочувственные внешне, но злорадные и довольные в глубине души лица некоторых сослуживиц, ее захлестывало чувство негодования на себя. Она уже не радовалась, что осталась жива, ей было мало этого, она хотела снова быть такой, какой была: красивой и вызывающе-дерзкой, ходить с высоко поднятой головой, смотреть всем прямо в глаза, а не прятать взгляд.

В один из дней мать принесла ей письмо от Вовки. Он писал:

Здравствуй, Ксения!

Ты, возможно, догадаешься по почерку, что пишу это я. Скажешь, для чего это нужно? Просто ты всегда живешь в моей памяти, как что-то святое и единственное, что дорого в моей жизни. Ирония судьбы?! Да! Кажется, пора бы все забыть, к тому же обратной дороги нет. Но все же я решил написать тебе, тем самым утешить себя. Мне очень скучно быть одному. Понимаешь, в моем возрасте глупо говорить о любви, но я всегда считаю ее единственной, неповторимой. Думаю, что это справедливо.

Вот уже шесть лет, как прекратилась наша переписка. Довольно-таки большой срок, но кажется, что это было совсем недавно. Семь лет переписки и два года дружбы оставили неизгладимую память в моем сердце – память на всю жизнь. Если мне посчастливится с тобой встретиться, то я буду очень рад и благодарен судьбе. Ксения, прости за нескромное вторжение. Я очень признателен тебе за все хорошее, сделанное тобой в моей жизни. Прощай! *В*.

Она читала и плакала, нахлынули воспоминания. Юность предстала такой далекой, светлой и неповторимой. Но она прошла и не вернется. У Вовки своя жизнь и не надо в нее вторгаться, дважды не войдешь в одну реку. А у нее своя, сама выбрала наперекор здравомыслию и сопротивлению родителей. Значит, и винить некого. Надо жить дальше.

Часто думала о возвращении домой к мужу. Обида продолжала жить в ее душе, хотя она была благодарна ему за нынешнее отношение. Каждый вечер он навещал ее. Женщины в палате удивлялись, восхищались, завидовали, говорили в открытую: «Красивый у тебя муж, любит тебя, счастливая ты!» Если бы она любила его! Духовное для нее оказалось выше и ценнее, чем интимные отношения. А понимания и духовной близости между ними не было с самого начала. И чем дольше они жили вместе, тем дальше отдалялась от мужа Ксения.

Она по-прежнему много читала, благо была такая возможность на рабочем месте, много размышляла над прочитанным, над окружающим ее миром, людьми, обществом. Ренат жил обычной, как живут миллионы людей, жизнью: работа – дом, телевизор, изредка – книга. По выходным – хозяйственные дела, никаких культурных мероприятий. Она же рвалась из такого, как ей казалось, примитивного существования. Она обожглась на любовной связи, ей оказалось не по силам лгать и притворяться. Возможно, она искала выхода духовной энергии, которая буквально кипела и клокотала в ней, как вулкан.

9

В реанимации, когда она взяла в руку карандаш и написала первое стихотворение, ее будто озарило: вот оно, то, к чему она стремилась с юности, что искало в ней выхода и не могло найти. Нашло на грани между жизнью и смертью. Поэтический дар. Еще в старших классах литература и русский были ее любимыми предметами, она лучше всех учеников в классе, даже в школе писала сочинения на вольную тему. С четырнадцати лет и до замужества вела дневник, а, устроившись в Совмин, продолжала делать записиразмышления. Тяга к писанию жила в ней всегда, и вот она превратилась в нечто конкретное – в стихи.

Прорыв уже был, когда она испытала шок от кончины Высоцкого и стала писать стихи умершему. Но сейчас она писала осознанно, понимая, что наконецто в ее жизни появилось то возвышенное и прекрасное, ради чего стоило вернуться с того света. Возможно, именно

в творчестве она сможет реализовать то духовное, что в ней копилось долгие годы одиночества.

Наконец наступил день, когда ей сняли швы с бедра, гипс со ступни и поставили на костыли. И она пошла, не наступая на правую ногу. Вроде ноги как ноги. Ну, а дальше? Еще три дня она привыкала к костылям, а потом ее выписали. Отец с матерью приехали за ней на «Волге». Муж был на работе. Женщины смотрели в окна, как она уезжала, и махали руками. И вот она дома. Все так непривычно, все вроде не на своих местах, хозяйничала-то свекровь. Она почувствовала себя неуютно, но усиленно изображала радость, поддерживая общее приподнятое настроение. К лицемерию она давно уже привыкла. А свою новую жизнь – со стихами – пока продолжала по-старому. Оказывается, прилетел свояк Рената Тимур из села под Ташкентом. Вечером, когда родители уехали, они явились с мужем, свояк держал в руках казан с горячим пловом, который он приготовил у Фархада. «Слава Богу, братец не явился», – с облегчением подумала Ксения.

Ренат держал в руках цветы и бутылку кагора как лечебного вина для Ксении. Мужчины пили водку. Наверно, от радости Ренат напился и полез к ней ночью, обнимая, целуя и шепча: «Как я соскучился по тебе, Ксюшенька! Хочу, умираю». Она задохнулась от бешенства, сопротивлялась, как могла, но сил после больницы не было, могла только думать, что за чурбан, ведь она только из больницы, после стольких операций! Хотелось кричать и материться, но они были в квартире не одни. Ночевали свекровь и свояк. Так они отметили ее возвращение. Нет, все осталось по-прежнему: нелюбимый муж, терпимая свекровь.

Она продолжала жить внешне. Освобожденная на некоторое время от домашних дел – пальцы на правой руке еще плохо слушались, способные держать лишь перо. Она делала ванночки из соли. Да и на костылях не попрыгаешь. Она, прячась, писала стихи, читала и, конечно же, размышляла о многом, например, о том, почему не любит мужа.

Все женщины, знакомые и незнакомые, с самой юности одаривали его вниманием, с завистью косясь на нее. Что и говорить, видный мужчина, с годами возмужавший, набравший стать и степенность. А уж о золотых руках можно говорить много и долго: все умел делать Ренат, все мужские дела, и гвоздь забить, и дом построить, и все у него спорилось, делалось вроде бы легко, но крепко и надежно – на века. И горячий, и ласковый – в интимных отношениях. Что еще надо? Журав-ля в небе? Ну, поймала за хвост вроде, когда вообразила, что влюбилась. А журавльто ощипанный оказался. Одним словом, что имеем, не ценим, потеряем, плачем.

И раскладывала Ксения мысленно жизнь совместную по полочкам и мужа – по частям, не как одну цельную личность. Внешность для нее особой роли никогда, даже в юности, не играла, хотя приятно было, что муж нравился другим женщинам, и ревности притом не было, была толика тщеславия. То, что по хозяйству все умеет, все знает, так он с 14 лет мужичком был, деньги зарабатывал, и она воспринимала как должное, на то он и мужчина, и хозяин. Она в юности ничего не умела, даже чай заваривать, не говоря о борще и каше. Мать ее не учила, сама она не стремилась в кухарки. Ренат даже научил ее тесто делать на пельмени. А потом подарил ей на день рожденья книгу «О вкусной и здоровой пище». Жили, когда ушли от родителей, оставив сына, на частных квартирах, на одну зарплату, изысков в еде не было, в основном, готовые пельмени в пачках, серые, слипшиеся, докторская колбаса, жаренная с макаронами, изредка борщ от матери, по праздникам: плавленый сырок, баклажанная икра, бутылка портвейна «777» или № 12.

Постепенно она стала неплохой поварихой, НО ГОТОВИЛА ПО НАСТРОЕНИЮ. Быт потихоньку наладился, муж не гнушался иногда и полы помыть, и белье простирнуть в стиралке, а не сидел, как многие, на диване перед «ящиком». Поискать таких мужей надо было, как Ренат. А вот что касается физической близости, тут возникало нечто, чему и названия не было. Неужели самое первое грубое вторжение Рената сыграло такую пагубную роль?

Вы тут, господин Фрейд? Как же, читали, но не думали, что коснется вас лично, сударыня. Может, она фригидная? Ну, не обдавало ее жаром, не разливалось томление по телу, не возникало желание близости от объятий и поцелуев мужа, от его ласк. Как в книжках пишут. Хотелось, чтоб все скорее закончилось, и можно было, как в забытье, погрузиться в сон, где она жила другой жизнью, более реальной, чем наяву.

Она с детства видела сны, став взрослой, научилась толковать их, и они частенько сбывались. Итак, она исполняла супружеские обязанности и только. Любви не было, было уважение, привязанность – днем, а ночью – только неприятие, раздражение, нетерпимость. Она притворялась, насилуя себя, изображая то, чего не было. Нет, не может быть любви без духовной близости, иначе это просто случка самки и самца. И душа Ксении жила отдельно от ее тела в такие моменты вынужденного подчинения мужу.

А бедная ее душенька еще с первых встреч с Ренатом была ранена обидой. За время совместной жизни муж был много раз несправедлив к ней. Он был дико, необузданно ревнив, причем без всякого повода с ее стороны.До замужества она, слушая его площадную брань, правда, один раз на скамейке перед подъездом в Капчагае, успокаивала себя банальной благоглупостью: ревнует, значит, любит.

Пока с возрастом до нее ни дошло, насколько унизительно и обидно быть виновной без вины. С годами она мучилась сильнее от его безосновательной, беспочвенной ревности. Тем более, объекты его ревности были недостойны ее внимания, и ей было еще отвратительнее выслушивать его инсинуации по поводу предполагаемой интрижки. Ксения с глубоким отвращением вспоминала одну сцену на заре их семейной жизни.

Она была уже в положении, забеременив из-за неопытности в первые же недели половой жизни. Молодые жили у родителей Ксении, и она вышла как-то вечером на троллейбусную остановку, чтобы встретить мужа с работы, хотела сделать приятное. К ней подошел незнакомый парень, спросил, здесь ли останавливается пятый троллейбус, она коротко кивнула. В эту секунду как раз и подошел «пятый», и парень заскочил в дверь. А возле нее возник муж, крепко схватил ее за руку и, ни слова не говоря, потянул домой. По дороге начал расспрашивать, с кем она прощалась на остановке. «Что, как меня увидели, так твой хрен сразу сбежал? Испугался?» – со злобой шипел он. Она потеряла дар речи, когда поняла, что муж пьян и в бешенстве. Потом разозлилась тоже, остановилась, выдернула руку из его клещей и закричала: «Ты в своем уме? Какой хрен? Я же тебя ждала! Неужели зная, что ты можешь увидеть, я бы с кем-то встретилась на остановке?»

Она пыталась взывать к его разуму, но он был замутнен алкоголем. Ее слова только подлили масла в огонь. Ренат ударил ее, она упала, он, матерясь, начал пинать ее, не щадя живот с будущим ребенком. Она закричала, из дома выбежал отец.Ударил Рената. Подбежали доброхоты, отвели бешеного татарина домой под конвоем. Скандал был не единственный за время беременности. Конечно, Ренат просил прощения, и она прощала, куда ж она денется с ребенком? Даже мысленно пыталась оправдать его. Но память цепко держала все обиды, которые множились с годами, и душа не хотела прощать и все болела, болела… Не успевала затянуться одна рана, как появлялась другая. Если бы собака любила палку, которой ее бьют, тогда, может, и Ксения любила бы мужа.

10

Пока она полеживала себе в больницах, много разных событий происходило в мире и, в частности, вокруг Ксении. В ее отсутствие в дом повадились две женщины: соседка по подъезду и сослуживица Валька-бухгалтерша: несимпатичная женщина старше Ксении,с задницей в два обхвата, разведенка с сыном и Салта, приятельница из приемной зампреда по культуре и здравоохранению, которая по звонку Рената подняла на ноги руководство ДТ, она

была замужем, имела две дочери, не красавица, но с кошачьими манерами доступной женщины. Возможно, Ренат тоже ей нравился, иначе зачем бы она взяла на себя обузу: получать за Ксению паек. В те годы лафа с изобильем в совминовском буфете кончилась, сотрудникам аппарата выдавали раз в неделю пайки. Бухгалтерша приносила свекрови творог, Ренату сигареты «Столичные», которых в городе в продаже не было. И у нее были свои далеко идущие планы: выйти замуж за вдовца. Так что на замену живой пока Ксении уже были две кандидатки, уж они бы его утешили во всех аспектах. Правда, соседка почти не скрывала своего интереса к Ренату, а вот со стороны Салты Ксения пока не замечала явных поползновений к чужому мужу.

Валька же не преминула сделать Ксении гадость, когда ее надежды рухнули. Это она – из самых «добрых» побуждений – заставила Рената взять справку из первой больницы, хотя, как выяснилось впоследствии, никто из руководства ей такого задания не давал. Исключительно по собственной инициативе она обрекла Ксению на безденежье. Алкоголикам, даже работающим в Совмине, если произойдет несчастный случай в состоянии опьянения, то по существующему законодательству, больничные не оплачиваются. Вроде они не люди, отщепенцы какие-то. А ведь был день рожденья! Слава Богу, не все люди такие подлые, как Валька. Управляющий Делами Кондратович, узнав о ситуации, распорядился ежемесячно до полного выздоровления выплачивать Ксении материальную помощь в размере оклада даже без удержания подоходного налога, которую Валька же и приносила на дом. Правда, каждый месяц Ксения писала заявление на его имя об оказании помощи. Такие вот были самые близкие доброжелатели.

Ну, а дальних было вообще не счесть. Если раньше, до несчастного случая, не все знали о ее существовании, то теперь, будто кинозвезда, она стала притчей во языцех буквально у всего аппарата ДТ, не минуя обслуживающий персонал: уборщиц, сантехников, буфетчиц, милиционеров. Только что бюллетень о состоянии ее здоровья не вывешивали на всеобщее обозрение. А уж каких только слухов, сплетен, домыслов ни вихрилось по всему огромному зданию. Отголоски нет-нет, да доносились до ушей Ксении: то по телефону, то Валька приносила, то Салта привозила вместе с продуктами. Изредка она заезжала к ним домой, хотя чаще Ренат подъезжал к Совмину. Звонили люди, с которыми Ксения никогда не общалась. Звонили, интересовались здоровьем и в разговоре обязательно какой-нибудь каверзный вопросик, типа: «А правда, что у тебя гениталии повреждены?» «А что это такое?» – невинно интересовалась она в ответ.

Но самым ярым инквизитором все же была Валька-бухгалтерша. Ее широкая фальшивая улыбка никак не вязалась с холодным змеиным взглядом. На правах соседки она так и лезла в квартиру, так и высматривала, так и вынюхивала, а вдруг еще что-нибудь случится. За что она так ненавидела Ксению? У нее была двухкомнатная совминовская же квартира, шикарная мебель, она хорошо одевалась. Все у нее было, кроме мужа. Может, и мужчины не было. И ей не давал покоя чужой. С ее обширной задницей ей бы не кобеля, а быка хорошего, а не мужа. Ксения за благодеяние соседки – деньги в конверте – терпела ее присутствие в квартире, ее тупые речи, ее ужимки и хихиканья при Ренате. Где была ее свобода в собственной крепости, куда лезли все, кому не лень?

* * *

Судили, рядили, гоняли молву,
А я в этот миг умирала.
В горсти напоследок живую траву
С собой на тот свет забирала.

Не ради корысти, не ради наживы,
А просто в безделье праздном
Толпа осуждает нас, если мы живы,
В бельишке копается грязном.
Умрем – в осужденье
Вздохнет толпа:
– А, ну их, блажат со скуки!..
…А я брела с крестом до столба,
Готовая к крестной муке.

Несмотря на дарованную Господом жизнь, депрессия не покидала ее. Она со страхом думала о выходе на работу. Будто там ее ждало звериное логово, а не человеческое общество. Она должна встать на ноги! И она решила сидеть на больничном до тех пор, пока не начнет ходить без палочки. Она так и не знала, будет хромать или нет. Нужно было притворяться, и она это делала блестяще. Если в больницах перед чужими людьми она проявляла мужество и терпение, то сейчас перед своими она изображала немощную и слабую калеку, оттягивая срок возвращения на работу.

После выхода из травматологии ее навещал врачхирург из спецбольницы на дому. Она принимала его в постели, как лежачая больная. В один из дней он предложил ей полежать с неделю в своей больнице, поделать массаж, лечебную гимнастику, пройти все анализы, и она согласилась. Ренат не возражал, он был готов на все, чтобы она стала ходить, как раньше. Хотя он и написал ей в реанимацию, видно, погорячился: «Возвращайся домой к нам с сыном хоть какая, хоть в коляске будешь сидеть, я буду ухаживать за тобой, только не умирай!». Но она понимала, больная жена никому не нужна.

В отделении к ней было повышенное внимание, врачи приходили к ней сами, брали кровь, мерили давление, делали кардиограмму, все было в норме, как у здорового человека. Это ее порадовало. И вдруг неожиданный удар, предательский, какого она не ждала. Пришла врач-гинеколог, осмотрела ее «гениталии» и определила беременность сроком два с половиной месяца.

– Вы будете рожать?

– Конечно, нет! После таких травм, как у меня, особенно перелома седалищной кости, мне категорически нельзя рожать.

– Но как же вы так? Срок приличный. Тогда нужно срочно делать аборт.

– А как же костыли?

– Ну, это не помеха. Готовьтесь к завтрашнему утру.

Она никому не сказала о своей неуместной неприятности. Почему-то у нее было дурное предчувствие, и она молилась, как умела: «Пресвятая дева Богородица, спаси и сохрани!» Грех совершала, ребенка убивала, а ждала помощи. Предчувствие ее не обмануло. Она вышла из больницы, а кровотечение не проходило, таблетки не помогали. Оставался народный способ. Они поехали с мужем вдвоем на дачу приятеля брата, он затопил баню, она напарилась, выпила стакан водки, из нее вылетел приличный комок, то, что осталось после некачественной работы гинеколога. И все. Народный способ помог. Обида опять была на мужа, плевать ему было на ее здоровье, лишь бы себя ублажить.

11

Прошло три месяца, и отец отвез ее в травматологию, где ей сделали снимок и сообщили, что костная мозоль достаточной плотности и на ногу можно наступать, но ходить еще придется с палочкой и не слишком долго находиться на ногах. Приобрели палочку. При-

шлось Ксении хромать с гримасой сдерживаемой боли на лице. Ей не было больно и, находясь дома одна, она, опираясь на здоровую ногу, училась ходить на своих двоих. Теперь в ведомственную поликлинику она ездила на трамвае самостоятельно, и в каждое посещение прихватывала с собой бутылку коньяка для врача, чтобы он продлял больничный. И он продлял.

– Ночью так ноет нога, сил нет. Не знаю, когда я смогу выйти на работу, там не только ходить, бегать надо, столько дел, – беззастенчиво лгала она, глядя врачу в глаза.

– Еще бы! Это же правительство, а не контора какая-нибудь. Серьезное учреждение, – поддакивал он, пряча бутылку в портфель.

Прошло девять месяцев, пока она, наконец, ни решила: все, хватит, пора поставить на уши аппарат Совмина. Страдания физические и душевные закалили ее, она стала сильной и смелой, уверенной в себе. Долгие кропотливые размышления о прошлом способствовали тому, что она стала лучше понимать человеческую природу, которой, увы, не чужды низменные страсти, подлые поступки и все злое и грязное, что составляет худшее в человеке, что от Сатаны. Безгрешных нет, и стремиться к этому не надо, ибо бесполезно, не дадут житья черные вороны белой вороне, испоганят так или иначе ее сверкающие белизной и чистотой перья. Было достаточно времени у Ксении, чтобы и в себе разобраться, поняла она, что душа ее никому не нужна.

Родители, конечно, несмотря ни на что, любили свою единственную, непутевую дочь. Будучи коммунистами, о существовании души не знали: партия не сообщала. А дочь не захотела сообщать: зачем им это на старости лет? Мужу нужна была горячая баба, послушная покорная жена. Зачем ему умная, он сам умен! А если тебе душа какая-то нужна, нечего было замуж выходить. Родственникам его нужны были ее услуги, а не она сама.

Мысли и чувства, за много лет не имевшие выхода, буквально обрушились на бумагу. Она писала и писала – до изнеможения, как одержимая, как ненормальная, как графоманка. Писала и прятала. Она была уверена, что муж в очередной раз обидит, унизит ее, узнав о ее новом занятии. Если она брала в руки книгу, он и то косился недовольно. Хотя сам любил стихи Есенина и песни Высоцкого – душевных поэтов. Значит, и у него была душа! Только для Ксении, выходит, не было.

Немногие знали о ее тайне. Мать не придала значения, Кира отнеслась без особого восторга. До несчастного случая Салта знала, что она пишет стихи, посвященные Высоцкому. Но сейчас было совсем другое, более серьезное. Поделилась с Салтой, та читала многое из сейфа, с разрешения Ксении. Она тогда все забрала на всякий случай и отнесла к себе домой на хранение. Пожалуй, на данный момент она была единственная, кто мог оценить творчество Ксении. Сама она когдато окончила филфак, занималась на сценарных курсах у известного сценариста, закрутила с ним шашни, узнала жена, устроила скандал, и Салта вынуждена была уйти. После этого устроилась по блату в Совмин, ее родственник работал в ЦК.

Она была довольно грамотной и начитанной, если бы не ее чрезмерная сексуальная озабоченность. Муж был старше на пятнадцать лет, часто ездил в командировки, и она не терялась. Какой-нибудь мужичок на стороне у нее всегда был. Связи свои она тщательно скрывала, не выставляла напоказ. И на том спасибо. Ксении была не по душе ее блядовитость, но надо же с кем-то делиться хоть малостью! Однажды она уже домолчалась, чуть навсегда не замолчала.

К тому же Салта, честно сказать, спасла ее от смерти. Пусть не сама лично, но вовремя позвонила кому надо. И Ксения чувствовала себя благодарной и обязанной. У них были общие темы для разговоров, а ее рассказы об очередной «великой любви» можно было и выслушать в полуха. Салта стала частым гостем в их доме, правда, одна, без мужа и дочерей. На Рената она взирала снизу вверх, вроде как с почтением. Ренат был вроде как безразличен

к ней. Случилось так, что не давняя институтская подруга (а они дружили до неудачного замужества Киры, ее муж оказался злостным наркоманом), а именно Салта, которую она не считала подругой, стала первым читателем ее стихов, первым редактором, первым почитателем. И недоверчивая Ксения слегка приоткрыла ей душу.

12

Незадолго до выхода на работу Ксении позвонили из отдела кадров.

– Ксения Анатольевна, на вашем месте, по просьбе зампреда, работает другой человек.

Она давно об этом знала, но полагала, что девица из отдела культуры, родственница завотделом, работает временно, до ее выхода. Но не тут-то было! Такие выходки, какую допустила она, никому, тем более секретарше, в Совмине не прощались.

– Все приемные заняты. Есть место в канцелярии у Зои Павловны и место в архиве. В должности вас не понизят, оклад сохранится, так что выбирайте.

«Канцелярия исключена, в архиве со скуки подохнешь, но надо оклематься, осмотреться, к тому же предстоит еще операция. Увольняться пока нельзя», – пронеслось в голове у Ксении. В архиве, правда, работала одна стерва, завзятая сплетница, которую она не переваривала, но куда деваться.

– Я согласна в архив.

– Вот и замечательно. Когда выходите?

– В понедельник.

– Вот и прекрасно. Подходите сразу к нам, распишитесь на приказе о переводе.

Ксению охватила ярость: «Еще бы не замечательно, еще бы не прекрасно без шума и скандала избавиться от неугодной в приемной секретарши. А кэдэ (К.Д.) чего испугался? Еще считала его человеком. Такое же дерьмо, как все. Чистенький нашелся, непогрешимый… пока сидишь в кресле. Грехи обнаружатся, когда вылетишь». Она ярилась, спуская пар, понимая, что ей повезло, что кто-то посодействовал, может, В.Н., может, Кондратович. Ее могли вышвырнуть без выходного пособия, без объяснения. Мелкая сошка – вот кто она. Было ЧП год назад. Один из референтов отдела легкой промышленности напился до «белой горячки» и пытался повеситься. Его спасли. На работе он больше не появился. В ДТ блюли моральный климат, нравственность должна быть на высоте, все сотрудники должны быть непогрешимы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.